

«ЕДИНСТВЕННЫЙ ВИД ИСТОЧНИКОВ ОБО ВСЕХ ВАЖНЕЙШИХ СТОРОНАХ ЖИЗНИ» (?!)

Аннотация. Тема дискуссии является продолжением и развитием основной темы номера «Ревизор». Дискуссия посвящена противоречивому взаимодействию имперских институтов, наполненного коллизиями и взаимным непониманием, с одной стороны, и пересмотру устоявшихся научных представлений об информационном потенциале отчетов губернаторов (генерал-губернаторов, наместников), с другой. В качестве отправной точки для разговора выбрано утверждение Н.Н. Улащика, который в 1960-е гг. реабилитировал губернаторские отчеты как исторический источник. Намечая общий вектор обсуждения и возвращаясь на новом историографическом витке к вопросу о достоверности отчетов и деталях подготовки этих документов на местах, мы предложили участникам сфокусировать свое внимание на том, насколько адекватно могут быть описаны каналы коммуникации между центром и регионами с помощью этого источникового комплекса и каков его потенциал для сравнительного изучения управления имперскими «окраинами».

Ключевые слова: Российская империя, губернаторские отчеты, источниковедение, достоверность исторических источников, имперские институты.

Участники дискуссии:

Конев Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук.

Семенова Наталия Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Гермизеева Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации», Омский государственный технический университет.

Крот Максим Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Южный научный центр Российской академии наук; доцент, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет.

“THE ONLY KIND OF SOURCES ABOUT ALL THE MOST IMPORTANT ASPECTS OF LIFE” (?)

Abstract. The topic of the discussion is a continuation of the main theme of the issue “The Government Inspector”. The discussion is, on the one hand, about the contradictory interactions of imperial institutions, full of collisions and mutual misunderstandings, and about the revision of established scientific ideas of the information potential of the governors’ reports (governors-general), on the other. The statement of N.N. Ulashchik, who in the 60s rehabilitated the governors’ records as a historical source, is a starting point of the conversation. The general vector of the discussion was outlined and it returned to a new historiographic round of the question of the reports reliability and the details of the preparation of these documents locally. We invited the participants to focus their attention on how adequately can this complex of sources describe the channels of communication between the center and the regions and what its potential for comparative study of the management of the imperial outskirts.

Keywords: Russian Empire, governor’s reports, source study, reliability of historical sources, imperial institutions.

Discussants:

Konev Aleksey Yu., Candidate of Science (History), Leading Researcher, Tyumen Scientific Center of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Semyonova Nataliya L., Candidate of Science (History), Associate Professor, Sterlitamak Branch of the Bashkir State University.

Germizeeva Viktoriya V., Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University.

Krot Maxim N., Candidate of Science (History), Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

В ПОИСКАХ «КЛЮЧА» К ИЗУЧЕНИЮ ГУБЕРНАТОРСКИХ ОТЧЕТОВ¹

А.Ю. Конев

Аннотация. Вступая в дискуссию, автор статьи предлагает исходить из замечания А.С. Минакова о том, что ключ к решению вопроса о достоверности губернаторских отчетов следует искать в изучении «местного документального материала». На основе архивных источников исследуется история подготовки первых «сведений» о состоянии Тобольской губернии, направлявшихся для отчета министра МВД. Выявлены особенности их сбора на местах, выяснена роль в этом процессе чиновников уездного звена, дана оценка представленной ими информации. Обращает на себя внимание ее избыточность, насыщенность хозяйственно-экономическими и этнографическими подробностями. Это свидетельствует о возможном влиянии традиции составления топографических описаний конца XVIII в., о недостатках регламентирующей роли форм отчета и об отсутствии его четкой программы на этом этапе. Учитывая периодические изменения формуляра губернаторских отчетов, предлагается при их изучении следовать не за меняющейся схемой организации текста, а выявлять более устойчивые содержательные структуры, как это было сделано одним из участников дискуссии. Признавая тот факт, что информация, поступавшая от начальников губерний была лишь одним из источников сведений о состоянии дел в регионах империи, автор разделяет мнение участников дискуссии, что всеподданнейшие отчеты были важным каналом коммуникации между органами местного и центрального управления на протяжении всего XIX столетия.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, В.П. Кочубей, Тобольская губерния, Б.А. Гермес, земские исправники, ясачные люди, канал коммуникации.

Конев Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, 625026, Россия, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86, aldimoks@mail.ru.

¹ Работа выполнена по госзаданию, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

IN SEARCH FOR THE CLUE TO STUDYING GOVERNOR'S REPORTS

A.Yu. Konev

Abstract. Entering the discussion, the author of the article proposes to proceed from A.S. Minakov's observation that the clue to resolving the issue of the reliability of the governor's reports should be in the study of the "local documentary material". On the basis of archival sources, the history of the preparation of the first "evidence" about the state of the Tobolsk province that was sent for the report of the Minister of the Ministry of Internal Affairs is investigated. The peculiarities of the fieldwork are revealed, the role of the officials of the county level in this process is clarified, and the information provided by them is assessed. Attention is drawn to its redundancy and saturation with economic and ethnographic details. This indicates the possible influence of the end of the 18th-century tradition of compiling topographic descriptions, the shortcomings of the regulatory role of the report forms, and the lack of a clear program at this stage. Taking into account the periodic changes in the form of the governor's reports, it is proposed, when studying them, not to follow the changing scheme of the organization of the text, but to determine more stable content structures, as was done by one of the participants in the discussion. Recognizing the fact that the information received from the provinces' governors was only one of the sources of information about the state of affairs in the regions of the empire, the author shares the opinion of the discussion's participants that the "humble reports" were an important channel of communication between local and central government bodies throughout the 19th century.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, V.P. Kochubey, Tobolsk province, B.A. Hermes, the Zemstvo Ispravnic, yasak people, communication channel.

Предлагая к обсуждению вопрос об информационном потенциале и значении губернаторских отчетов как важного источникового комплекса для изучения управления регионами Российской империи, мы безусловно учитывали имеющиеся оценки историков по этому поводу [Улащик, 1961; Дятлова, 1964; Литвак, 1979]. Вполне определенный ориентир для дальнейшего исследования темы задал А.С. Минаков, который полагает, что история имперской системы управления является «перспективным направлением применения» губернаторских отчетов [Минаков, 2013, с. 55]. При этом он подчеркнул, что для понимания их роли и места «необходим анализ процедуры подготовки на местах» и что «в местном документальном материале содержится ключ к решению вопроса о достоверности отчетов» [Минаков, 2016, с. 18]. Участники нашей дискуссии, каждый на своем региональном примере, обратили на это особое внимание.

Н.Л. Семенова, применительно к первой трети XIX в., отмечает тот факт, что до появления статистических комитетов работу по сбору материалов для губернаторского отчета выполняли чиновники губернских канцелярий, не всегда достаточно подготовленные для решения данной задачи (см.: Семенова, наст. выпуск). Казалось бы ситуация должна была измениться во второй половине столетия, после того как были организованы статистические комитеты. Но даже в конце XIX в. дело с качеством и точностью данных, «собранных спешно и по различным программам» оставляло желать лучшего. Повсеместно имел место недостаточный контроль со стороны губернаторов за сбором информации (см.: Семенова, Гермизеева, Крот, наст. выпуск). Все это приводило к нареканиям и замечаниям со стороны МВД. Вместе с тем эта противоречивая практика подтолкнула к совершенствованию методов сбора информации и ее актуализации. Н.Л. Семенова обращает внимание, что в 1843 г. были разработаны «Главные основания для отечественной статистики, предпринимаемой в МВД», призванные упорядочить сбор статистическими комитетами сведений, имеющих практическую пользу для администрации (см.: Семенова, наст. выпуск). Вполне справедливо замечание В.А. Ремнева, что дело было не столько в достоверности данных, приводимых в отчетах «сколько в неэффективности использования их богатого материала в управленческой практике» [Ремнев, 2015, с. 49]. К сожалению дискуссионтам не удалось подробно раскрыть этот сюжет, и приведенное высказывание известного сибирского историка сохраняет свою актуальность.

Со своей стороны я бы хотел обратиться, на примере Тобольской губернии, к начальному этапу в практике составления губернаторских отчетов. Отмечу, что если отношения губернских и центральных звеньев власти в процессе подготовки и представления соответствующих материалов изучены более подробно, то аналогичные взаимодействия местных учреждений чаще всего остаются вне поля зрения исследователей.

В «Государственном архиве в городе Тобольске» сохранилось дело, которое в описи значится как «Сведения о населении, об урожайности, запасном казенном хлебе, добыче рыбы, зверя и проч.[его] в уездах Тобольской губернии» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И329, оп. 13, д. 157]. Первый лист содержит первоначальное название сформировавшейся в губернском правлении документальной подборки «Отчеты за 1805 год». В нее вошли рапорты, поступившие в первой половине 1806 г. в ответ на запросы губернатора, от частных комиссаров, уездных земских исправников и тобольского полицмейстера с информацией для составления «сведений» к отчетам министра внутренних дел графа В.П. Кочубея «о положении частей к Министерству внутренних дел принадлежащих» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И329, оп. 13, д. 157, л. 1а]. Таким образом в этом деле собраны материалы к самым первым губернаторским отчетам, которые были еще не всеподданнейшими, а только этапом в подготовке отчета министра перед государем.

По текстам донесений земских исправников реконструируются разделы, входившие тогда в состав годового отчета, актуальные для уездного уровня: «1-е отделение. *О предметах, принадлежащих к хозяйству.* I. По продовольствию. II. По наделению казенных крестьян землями и переселению их. III. По промышленности. IV. По фабрикам и заводам. 2-е отделение. *О предметах, до благоустройства или полиции принадлежащих.* I. О сохранении тишины и порядка. II. О повинностях. 3-е отделение. *О видах, кои представится могут к усовершенствованию частей предыдущих*» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И329, оп. 13, д. 157, л. 39–40об.]. В целом эта структура соотносится с частями опубликованного министерского отчета за 1804 г. [Отчет министра..., 1806], отражая компетенцию экспедиций Департамента внутренних дел.

Известно, что на протяжении первой трети XIX в. представление отчетов о состоянии губерний не носило регулярного характера. Одной из возможных причин этого применительно к Сибири были сложности с коммуникацией и сбором информации, учитывая огромные расстояния и небольшой штат администраторов на местах. Так, березовский исправник Д. Калугин сообщал тобольскому губернатору Б.А. Гермесу в декабре 1805 г., что нужных сведений «к составлению описания за весь уезд» из комиссарств и духовных правлений он еще не получил [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И329, оп. 13, д. 157, л. 89–89об.]. «Описание состояния Березовского уезда за 1805 год» было завершено им только в начале марта 1806 г., ведомости же о повинностях, в соответствии с формам, обещалось отправить позднее [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И329, оп. 13, д. 157, л. 90–90об.].

На характеристике названного «Описания» следует остановиться особо. Сообщив сведения о волостном составе уезда, численности и движении русского и автохтонного населения, исправник, в целом придерживаясь изложения по указанным выше разделам, представил развернутую хозяйственно-экономическую и этнографическую характеристику края и его обитателей. Так,

описывая обеспеченность жителей продовольствием, он сообщает о рационе питания северо-обских остяков следующее: «и все ясашные употребляют в пищу мясо всех почти промышляемых ими зверей, вареное или сырое, исключая, по причине отвратительного запаха, горносталяго. Местами же, живущие в смежности с русскими, воздерживаются есть [вол]ков. И посему, когда бывает сверх рыбы избыточной промысел зверя, то и в пропитании они имеют доволство, и в хлебе малую нужду» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И329, оп. 13, д. 157, л. 92]. По стилистике и содержанию рассматриваемый документ напоминает некоторые пункты топографического описания Тобольского наместничества конца XVIII в. [Описание Тобольского наместничества, 1982, с. 28–33]. Тщательно изложенные подробности при характеристике промыслов, включая способы лова зверей, рыбы и птиц не оставляют сомнения в хорошем знакомстве автора с описываемыми реалиями, что уже было оценено исследователями [Миненко, 1975, с. 21–22]. В заключении исправник изложил свои соображения по улучшению продовольственного обеспечения и быта коренных жителей края.

Добротность практически всех представленных исправниками в 1805–1806 гг. к тобольскому губернатору сведений свидетельствует об их ответственном отношении к порученному делу, а избыточность информации — об определенных традициях составления описаний предшествующего периода, недостаточной регламентирующей роли формы губернаторского отчета и об отсутствии его четкой программы. Характерно и то, что в представленных документах с мест нет собственно отчета о деятельности уездной администрации, а есть преимущественно сведения информационного характера. Это было присуще и соответствующим «донесениям» губернаторов в МВД, деятельность которых на этом этапе «просматривалась через объективные данные об обеспечении народного продовольствия и проч.» [Литвак, 1979, с. 144].

Интересным и перспективным для изучения губернаторских и генерал-губернаторских отчетов представляется наблюдение, которое сделал М.Н. Крот (см.: Крот, наст. выпуск). По его мнению, они содержат в себе несколько информационных пластов: первый — фактографические данные о подконтрольной губернии; второй — информацию о политической обстановке и умонастроениях местного населения; третий — предложения, направленные на решение проблем и совершенствование управления краем. На мой взгляд продолжить исследования интересующих нас документов по этим аспектам было бы весьма продуктивно. Учитывая, что на протяжении всего XIX в. менялись требования к содержанию и структуре отчетов [подр. об этом: Литвак, 1979, с. 142–161], логичнее следовать не за меняющейся схемой организации их текста, а выявлять более устойчивые содержательные структуры. Это даст новые возможности для сравнительного изучения управления имперскими «окраинами» на материалах губернаторских отчетов.

Известный скептицизм в Петербурге к информации, сообщаемой в отчетах начальников губерний по мнению В.А. Ремнева был «питательной почвой для всякого рода доносов и интриг» [Ремнев, 2015, с. 49]. Очевидно, что информация, поступавшая от первых лиц региональной администрации была лишь одним из источников сведений о состоянии дел на подведомственной им территории. И не всегда именно она оказывала решающее влияние на принятие соответствующих решений в центре. Тем не менее участники дискуссии сошлись в том, что всеподданнейшие отчеты были важным каналом коммуникации между органами местного и центрального управления. Начальники губерний могли представить в них свой взгляд на ситуацию и предложить пути решения локальных проблем (см.: Гермизеева, наст. выпуск), а также довести до верховной власти сведения об умонастроениях, пожеланиях и недовольствах населения подконтрольных им губерний и областей (см.: Крот, наст. выпуск).

В завершение отмечу, что наличие у исследователей некоторых расхождений в оценках, отсутствие однозначной позиции по ряду вопросов оставляет пространство для новых трактовок, интерпретаций и более углубленного изучения обсуждаемой темы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И329. Оп. 13. Д. 157.

Дятлова Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник // *Проблемы архивоведения и источниковедения*. Л.: Наука, 1964. С. 227–246.

Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // *Источниковедение отечественной истории: сб. ст.* М.: Наука 1977. С. 125–144.

Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX–начала XX в. М.: Наука, 1979. 294 с.

Минаков А.С. Годовые всеподданнейшие отчеты губернаторов: исследовательский опыт и источниковедческие перспективы // *Археографический ежегодник*. М.: Наука, 2013. С. 37–55.

Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2016. № 2(38). С. 5–24.

Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII–первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.

Описание Тобольского наместничества / Сост. А.Д. Колесников. Новосибирск: Наука, 1982. 321 с.

Отчет министра внутренних дел за 1804 год. СПб.: Печатано в Медицинской типографии, 1806. 164 с.

Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX–начала XX веков. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.

Улащик Н.Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804–1861 гг.) // *Проблемы источниковедения*. Т. 9. Москва: Издательство академии наук СССР, 1961. С. 15–55.

REFERENCES

The State Archives in Tobolsk (GBUTO GA in Tobolsk). F. 1329. Inv. 13. D. 157.

Dyatlova N.P. Otchety gubernatorov kak istoricheskii istochnik [Governors reports as a historical source], in *Problemy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya* [Problems of archival science and source studies]. Leningrad: Nauka Publ., 1964. Pp. 227–246 (in Russian).

Litvak B.G. O dostovernosti svedenii gubernatorskikh otchetov XIX v. [On the reliability of the information of the Governors reports of the XIX], in *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii: sb. st.* [Source studies of Russian history]. Moscow: Nauka Publ., 1977. Pp. 125–144 (in Russian).

Litvak B.G. *Ocherki istochnikovedeniya massovoy dokumentatsii XIX–nachala XX v.* [Essays on the source study of mass documentation of the XIX–early XX centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 294 p. (in Russian).

Minakov A.S. Godovye vsepoddannejshie otchety gubernatorov: issledovatel'skij opyt i istochnikovedcheskie perspektivy [Annual reports of the governors: research experience and source study perspectives], in *Arheograficheskij ezhegodnik*. Moscow: Nauka Publ., 2013. Pp. 37–55 (in Russian).

Minakov A.S. Vsepoddannejshije otchety gubernatorov Rossiyskoy imperii: sovremennye problemy istoriografii [All-subject reports of the governors of the Russian Empire: modern problems of historiography], in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki*. 2016. No 2(38). Pp. 5–24 (in Russian).

Minenko N.A. *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII–pervoj polovine XIX v. Istoriko-etnograficheskij ocherk* [North-Western Siberia in the 18th–first half of the 19th centuries: A historical and ethnographic essay]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975. 308 p. (in Russian).

Opisanie Tobol'skogo namestnichestva [Description of the Tobolsk governorship]. Comp. A.D. Kolesnikov. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 321 p. (in Russian).

Otchet ministra vnutrennih del za 1804 god [Interior Minister's Report 1804]. St. Petersburg: Pечатано в Meditsinskoj tipografii, 1806. 164 p. (in Russian).

Remnev A.V. *Sibir' v imperskoj geografii vlasti XIX–nachala XX vekov* [Siberia in the Imperial Geography of Power of the 19th–early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University Publ., 2015. 580 p. (in Russian).

Ulashchik N.N. Otchety gubernatorov Litvy i Zapadnoy Belorussii kak istoricheskiy istochnik (1804–1861 gg.) [Reports of the governors of Lithuania and Western Belarus as a historical source (1804–1861)], in *Problemy istochnikovedeniya*. Vol. 9. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1961. Pp. 15–55 (in Russian)

ГУБЕРНАТОРСКИЕ ОТЧЕТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ИЛИ ЭЛЕМЕНТ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ?

Н.Л. Семенова

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть, как менялись содержание и роль всеподданнейших отчетов губернаторов в зависимости от задач, стоящих в области государственного управления в первой половине XIX в. Губернаторские отчеты появились как основной канал поступления информации от местных учреждений в МВД. Сбор и анализ сведений для отчетов осуществлялся в рамках ведомственных потребностей с целью решения конкретных практических задач. Несмотря на неточный характер сведений и нерегулярность представления, губернаторские отчеты давали возможность правительству и императору составить довольно полное представление о всех сторонах жизни губернии. К середине XIX в. значение текстовой части отчета начальника губернии заметно снизилось, ввиду появления новых источников информации о состоянии местного управления. Интерес к статистическим данным, которые использовались правительством в качестве рабочего материала, сохранялся. Кроме того, во второй четверти XIX в. отчеты стали рассматриваться как средство надзора за административной деятельностью губернатора.

Ключевые слова: губернаторский отчет, Министерство внутренних дел, формуляр, циркуляр, гражданский губернатор, статистика.

GOVERNOR'S REPORTS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: SOURCE OF INFORMATION OR ELEMENT OF THE BUREAUCRATIC SYSTEM?

N.L. Semyonova

Abstract. The article analyzes the evolution of the changing content and role of the governors' reports on the tasks of public administration in the first half of the 19th century. Governor's reports emerged as the main channel for receiving information from local institutions to the Ministry of Internal Affairs. The collection and analysis of information for reports was carried out within the framework of departmental needs in order to solve specific practical problems. Despite the inaccurate nature of the information and the irregularity of presentation, the governor's reports made it possible for the government and the emperor to get a complete picture of all aspects of the life of the province. By the middle of the 19th century the importance of the textual part of the report of the head of the province has significantly decreased, new sources of information about the state of local government have appeared. Interest in the statistics used by the government as working material continued. In addition, in the second quarter of the 19th century reports came to be seen as a means of overseeing the administrative activities of the governor.

Keywords: governor's report, Ministry of Internal Affairs, form, circular, civil governor, statistics.

Основная тема дискуссии, выраженная в утверждении Н.Н. Улащика, заставляет вновь обратиться к оценкам губернаторских отчетов, сложившихся в советской историографии. П.А. Зайончковский подчеркивал субъективный характер отчетов начальников губернии, поскольку «управляемая губерния изображалась в наилучшем виде», а приводимые статистические сведения были «взяты с потолка» [Зайончковский, 1978, с. 154]. Выводы белорусского историка и археографа Н.Н. Улащика реабилитировали отчеты губернаторов, оценивая их как «единственный вид источников обо всех важнейших сторонах жизни» губернии [Улащик, 1961, с. 15–55]. По справедливому заключению А.С. Минакова, вывод ученого был обусловлен социально-экономической проблематикой исторических исследований в советский период [Минаков, 2016, с. 9]. Губернаторские отчеты имели важное преимущество перед другими источниками в силу того, что содержали систематический материал по народонаселению, земельному фонду, урожайности сельского хозяйства, развитию промышленности и торговли, хотя, «отчеты не дают совершенно точных цифр, но показывают направления развития хозяйства» [Минаков, 2016, с. 9].

В советской историографии был также поставлен вопрос о достоверности материалов губернаторских отчетов [Дятлова, 1964, с. 227–246]. Б.Г. Литвак, оценивая отчеты как разновидность массовой документации, исходил из того, что они представляли собой «систему взаимосвязанных документов» [Литвак, 1979, с. 186]. Он попытался определить степень достоверности содержащейся в них информации: из 27 ведомостей, сопровождавших отчет губернатора, он выделил отдельную группу с наиболее достоверной информацией [Литвак, 1979, с. 186]. К ней исследователь отнес «Общую ведомость делопроизводству по всем присутственным местам губернии», «Ведомость о количестве бумаг по местам, подведомственным губернатору» сведения которых основывались на книгах записей входящих и исходящих бумаг, гарантировавших «верное фиксирование документопотока» [Литвак, 1979, с. 188]. «Ведомости сомнительной достоверности» — это «Об оборотах на ярмарках», «О фабриках и заводах», «О числе разного скота в губернии», «О посевах и урожае хлеба, овощей и плодов» — для которых было характерно отсутствие делопроизводственной «первоосновы».

В современной историографии всеподданнейшие губернаторские отчеты рассматриваются в контексте административных практик в российской провинции в XIX–начале XX в., как часть бюрократической системы. Доктор исторических наук М.М. Шумилов оценивал их как форму контроля над местной администрацией [Минаков, 2016, с. 14]. Профессор А.Н. Бикташева оценивает губернаторский отчет как «персональный текст», как опыт «соучастия» начальника губернии в управлении Российской империи, который позволял выявить региональную специфику, управленческую стратегию и его личный вклад в дела губернии [Бикташева, 2011, с. 167–169]. Согласно выводам доктора исторических наук А.С. Минакова, губернаторские отчеты

обеспечивали начальнику губернии взаимодействие с учреждениями различных ведомств, укрепляли государственность, содержали значительный скрытый информационный потенциал [Минаков, 2011, с. 203]. Таким образом, современное понимание губернаторских отчетов гораздо шире оценки их только как источников «о всех сторонах жизни губернии». Тем не менее, дальнейшее изучение конкретно-исторического материала, связанного с функционированием губернаторской власти в отдельных регионах Российской империи, позволяет проследить как менялись содержание и роль отчетов губернаторов в зависимости от задач, стоящих в области государственного управления. В этом отношении особое значение имеет анализ ежегодных губернаторских отчетов о состоянии Оренбургской губернии, которая в первой половине XIX в. относилась к числу внутренних губерний, была довольно глубоко интегрирована в административное пространство империи, но вместе с тем сохраняла особенности в системе управления, выразившиеся в одновременном существовании военной и гражданской властей.

Зарождение практики составления всеподданнейших отчетов губернаторов связано с министерской реформой и преследовало цель «... собрать из губернии, дабы составить о положении каждой сколь можно полное и коренное познание» [Дятлова, 1964, с. 228]. Этой задаче была подчинена структура губернаторского отчета, которая включала нарративную часть из трех разделов, соответствующих предметам ведения Министерства внутренних дел и статистические ведомости, которые подтверждали выводы основных разделов. Сбор и анализ сведений осуществлялся в рамках ведомственных потребностей с целью решения конкретных практических задач управления, главными из которых являлись фискальный учет населения, контроль за перемещением жителей с целью поступления налогов и обеспечения армии рекрутами. Учитывая, что система ведомственной отчетности находилась в стадии формирования, значение губернаторских отчетов как основных источников было велико.

Отчет о состоянии Оренбургской губернии за 1804 г. гражданского губернатора А.А. Врасского отражал основные показатели экономического состояния [ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 1319, л. 9–30]. Особое внимание в нем было уделено количеству населения, в том числе, переселениям государственных крестьян, сведениям об урожае хлеба, обеспечению населения продовольствием, ценам на основные продукты, состоянию приказа общественного призрения, городов, развитию торговли, происшествиям [ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 1319, л. 9–30].

Подготовка первого раздела отчета вызывала наибольшие затруднения у гражданских губернаторов в силу сложности сбора информации. Как полагает доктор исторических наук П.В. Акульшин, местные учреждения не всегда владели необходимой информацией, а механизм ее сбора не был отработан [Акульшин, 2005, с. 69]. К этому можно добавить неразвитость статистической службы в государстве в целом, и на местном уровне, в частности. Губернские статистические комитеты

появились только в 1834 г. До этого времени всю работу по сбору материалов для губернаторского отчета выполняла канцелярия начальника губернии, которая не всегда имела подготовленных и грамотных служащих, способных решать данные задачи. Чиновники особых поручений, которые привлекались к подготовке отчетов, появились в штате канцелярии оренбургского гражданского губернатора только в 1826–1827 гг. [Семенова, 2020, с. 165–179]. Поэтому вполне понятно, что достоверность этой части всеподданнейших отчетов традиционно вызывает у историков определенные сомнения.

Во втором разделе отчета были представлены сведения о делах, «относящихся до благоустройства», о количестве дел в губернском правлении, городнических правлениях, уездных земских судах остававшихся нерешенными, поступивших, решенных [ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 1319, л. 9–30]. Сведения этого раздела были более полными и точными, поскольку их источниками являлись ведомости, представленные губернскими и уездными присутственными местами: губернским правлением, городническими правлениями, уездными земскими судами Оренбургской губернии.

Третий раздел отчета «Виды к усовершенствованию» гражданский губернатор А.А. Врасский фактически проигнорировал, не включив в него никакие выводы и предложения о «нуждах» Оренбургской губернии. По-видимому, составитель не очень хорошо понимал, что от него требуется. В целом, в начале XIX в. губернаторские отчеты стали важным и, во многом, единственным, информационным каналом между центром и губерниями, по которому в правительство поступал систематический материал о всех сторонах жизни губернии, не всегда отличавшийся точностью и ограниченный предметами ведения Министерства внутренних дел.

Анализ отчетов оренбургских гражданских губернаторов за первое десятилетие XIX в. свидетельствует о том, что их формуляр практически не менялся. Отчеты были небольшими по объему, гражданские губернаторы не представляли анализ своей деятельности, поскольку задача состояла в сборе и представлении сведений по ведомству Министерства внутренних дел. Замечания по отчетам и циркуляры со стороны министра внутренних дел позволяют сделать вывод, что в этот период правительство пыталось добиться в основном своевременного представления отчетов о состоянии губерний и их единообразия. Губернаторские отчеты представлялись несвоевременно и нерегулярно: отчеты за предыдущий год поступали только в середине следующего [Акульшин, 2005, с. 66–73]. Так, например, нам не удалось обнаружить отчеты гражданских губернаторов о состоянии Оренбургской губернии за 1806–1810 гг. В 1812 г. и в последующие несколько лет отчеты не подавались отчеты по Тамбовской губернии. Отчеты пензенского, рязанского, тамбовского и тульского губернаторов за 1812 г. были отправлены только в 1817 г. [Акульшин, 2005, с. 66–73].

Административная практика Оренбургской губернии первой трети XIX в. свидетельствует о том, что даже в 1830-е гг. возникали ситуации, когда губернаторский отчет был составлен неправильно, не принимался в Министерстве внутренних дел и начальник губернии должен был его «пересоставить» [НА РБ, ф. И-6, оп. 1, д. 107]. Так, например, отчет оренбургского гражданского губернатора статского советника Н.В. Жуковского по управлению губернией за 1834 г. оказался составлен «не по правилам», утвержденным в циркуляре от 30 ноября 1828 г. [НА РБ, ф. И-6, оп. 1, д. 107, л. 89об.]. Это был как раз тот случай, когда составлением отчетов полностью занимались чиновники губернаторской канцелярии, а начальник полностью им доверился и не перепроверил представленные документы. Отчет за 1834 г. был пересоставлен и направлен в Министерство внутренних дел.

Дальнейшая эволюция формуляра всеподданнейших губернаторских отчетов (1828, 1837 гг.), входящих в него статистических материалов позволяет говорить о том, что центральная власть была заинтересована в более широких и подробных сведениях о регионе, которые выходили за рамки Министерства внутренних дел, что нашло отражение в «Наказе гражданским губернаторам» 1837 г., который впервые ввел структуру отчета, основанную не на министерском (департаментском) делении, а на более широком и комплексном анализе состояния региона [Минаков, 2011, с. 203]. Всеподданнейший отчет отличался от всех других срочных донесений и ведомостей губернатора тем, что был обязан представить «...полную годовую статистику губернии, управлению его порученной» по 16 «предметам» и не ограничиваться констатацией происшествий [ПСЗ–II, 1838, № 10 303, с. 431].

Несмотря на это, качество губернаторских отчетов продолжало вызывать нарекания в Министерстве внутренних дел. Анализ циркуляров за 1839–1841 гг., адресованных губернаторам, показывает, что замечания министра по всеподданнейшим отчетам были довольно распространенной практикой. Отчеты некоторых губернаторов «... не содержат в себе полного общего обозрения, а о некоторых предметах, достойных внимания, упомянуто слишком кратко. Например, о числе содержащихся под стражей; во что обошлось общее содержание всех преступников, о количестве павшего скота: сколько от болезней и сколько от недокорма, о успехах в народной промышленности или в сельском хозяйстве в сравнении с прежними годами» [РГИА, ф. 1281, оп. 3, д. 173, л. 9]. В циркулярном предписании от 12 октября 1841 г. указывалось, что, «... невзирая на требования, один из начальников губернии вовсе не представил требуемых от него отчетов» [РГИА, ф. 1281, оп. 3, д. 173, л. 16]. За это упущение по службе император Николай I сделал ему строгий выговор и отправил фельдъегеря с тем, что «... ежели чрез 8 дней не представит отчет, по получении высочайшего повеления, то предан будет суду» [РГИА, ф. 1281, оп. 3, д. 173, л. 16].

Циркулярное предписание МВД губернаторам от 1 октября 1842 г. вновь констатировало, что начальники губерний продолжают составлять отчеты «неудовлетворительно, сведения не точны, часто неверные и даже самые простые сведения — число народонаселения, запасы продовольствия показаны неправильно» [РГИА, ф. 1281, оп. 3, д. 173, л. 18]. Губернаторы даже по важным вопросам, ограничиваются «общими, ничего не объясняющими отзывами, а о некоторых частях губернского управления упоминают слегка, хотя в Наказе указано, что нужно изображать все части губернского управления» [РГИА, ф. 1281, оп. 3, д. 173, л. 18].

По словам Б.Г. Литвака, «Наказ» 1837 г. мог превратить всеподданнейший губернаторский отчет в «наиболее интересный источник по истории местного управления», но дальнейшая политика, направленная на установление единообразия, привела к «заклишированию» текстовой части отчета [Литвак, 1979, с. 146]. Циркуляр от 14 октября 1842 г. «О Всеподданнейших годовых отчетах» окончательно нарушил их ведомственный характер, предписав гражданским губернаторам включать в отчет «... предметы и благонадежность лиц всех вообще ведомств губернского управления» [История Российской государственной статистики, 2013, с. 21; РГИА, ф. 1282, оп. 4, д. 135, л. 3–3об.]. К циркуляру прилагался так называемый «образцовый отчет», текст которого был положен в основу всеподданнейших губернаторских отчетов. Как показывают отчеты оренбургских гражданских губернаторов за 1843–1851 гг., их текстовая часть практически полностью совпадала, чиновники канцелярии просто вставляли новые цифры за каждый новый год [НА РБ, ф. И-6, оп. 2, д. 59, 60, 61]. В результате, значение губернаторских отчетов как важнейшего информационного канала в административном пространстве самодержавия к середине XIX в. заметно снизилось, хотя статистические данные, составлявшие его значительную часть, широко использовались правительством в качестве рабочего материала. В 1843 г. были разработаны «Главные основания для отечественной статистики, предпринимаемой в МВД», которые главное внимание уделяли сбору тех сведений, которые имеют практическую пользу для администрации и должны быть сосредоточены в губернском статистическом комитете [НА РБ, ф. И-6, оп. 2, д. 59, 60, 61].

Таким образом, в начале XIX в. ежегодные губернаторские отчеты появились как важнейший и основной канал поступления информации от местных учреждений в МВД. Их содержание носило характер ведомственной отчетности, было сосредоточено на показателях экономического развития губерний. Несмотря на неточный характер сведений и нерегулярность представления, губернаторские отчеты давали возможность правительству и императору составить довольно полное представление о всех сторонах жизни губернии. Во второй четверти XIX в. отчеты стали рассматриваться как средство надзора за административной деятельностью губернатора, продолжая играть роль одного из многочисленных

информационных каналов самодержавия. Наряду со снижением значения нарративной части губернаторского отчета к середине XIX в., возрос интерес правительства к статистическим сведениям, что отражало стремление государства организовать управление на основе знаний о губернии и стало результатом формирования статистической службы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акульшин П.В. Реформаторские планы и провинциальная реальность: губернаторские отчеты первых лет правления Александра I (на материале Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний) // *Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина*. 2005. № 1. С. 66–73.

Бикташева А.Н. Губернаторский отчет как персональный текст (первая половина XIX в.) // *Власть*. 2011. № 3. С. 167–169.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 1319.

Дятлова Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник // *Проблемы архивоведения и источниковедения*. Л.: Наука, 1964. С. 227–246.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. М.: Мысль, 1978. 288 с.

История Российской государственной статистики: 1811–2011. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. 143 с.

Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX–начала XX в. М.: Наука, 1979. 294 с.

Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX–начала XX вв. Дис. ... д-ра ист. наук, Орел: Б.и., 2011. 524 с.

Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // *Известия Высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2016. № 2. С. 5–24.

Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 107.

НА РБ. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 59.

НА РБ. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 60.

НА РБ. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 61.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 12. Часть 1. СПб.: Тип. II Отделения С.Е.И.В. канцелярии, 1838. 822 с.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 3. Д. 173.

РГИА. Ф. 1282. Оп. 4. Д. 135.

Семенова Н.Л. Правовые основы деятельности, состав, функции канцелярии оренбургского гражданского губернатора в конце XVIII–первой половине XIX в. // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2020. № 2(34). С. 165–179.

Улащик Н.Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804–1861 гг.) // *Проблемы источниковедения*. Т. 9. Москва: Издательство академии наук СССР, 1961. С. 15–55.

REFERENCES

Akul'shin P.V. Reformatorskije plany i provincial'naja real'nost': gubernatorskie otchety pervyh let pravlenija Aleksandra I (na materiale Penzenskoj, Rjazanskoj, Tambovskoj i Tul'skoj gubernij) [Reformist plans and provincial reality: Governor's reports from the early years of Alexander I's reign], in *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. S.A. Esenina*. 2005. No 1. Pp. 66–73 (in Russian).

Biktasheva A.N. Gubernatorskij otchet kak personal'nyj tekst (pervaya polovina XIX v.) [Governor's report as a personal text (first half of the 19th century)], in *Vlast'*. 2011. No 3. Pp. 167–169 (in Russian).

State Archives of the Orenburg Region (GAOO). F. 6. Inv. 2. D. 1319.

Dyatlova N.P. Otchety gubernatorov kak istoričeskij istočnik [Governors reports as a historical source], in *Problemy arkhivovedeniya i istočnikovovedeniya* [Problems of archival science and source studies]. Leningrad: Nauka Publ., 1964. Pp. 227–246 (in Russian).

Zajončkovskij P.A. *Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii* [The government apparatus of autocratic Russia]. Moscow: Thought publishing house, 1978. 288 p. (in Russian).

Istorija Rossijskoj gosudarstvennoj statistiki: 1811–2011 [History of Russian State Statistics: 1811–2011]. Moscow: Publishing House of Information and Research Center "Statistics of Russia", 2013. 143 p. (in Russian).

Litvak B.G. *Očerki istočnikovedeniya massovoy dokumentatsii XIX–nachala XX v.* [Essays on the source study of mass documentation of the XIX–early XX centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 294 p. (in Russian).

Minakov A.S. *Gubernatorskij korpus i central'naja vlast': problema vzaimootnošenij po materialam gubernij Chernozemnogo centra vtoroj poloviny XIX–nachala XX vv.* [The Governor's Corps and the Central Authority: the Problem of Relationships Based on the Materials of the Provinces of the Black Earth Center in the Second Half of the 19th–early 20th centuries]. Dis. ... d-ra ist. nauk. Orel: S.n., 2011. 524 p. (in Russian).

Minakov A.S. Vsepoddannejšie otchety gubernatorov Rossijskoj imperii: sovremennye problemy istoriografii [Reports of the governors of the Russian Empire: Current

problems of historiography], in *Izvestija Vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. 2016. No 2. Pp. 5–24 (in Russian).

National Archives of the Republic of Bashkortostan (NA RB). F. 6. Inv. 1. D. 107.

NA RB. F. 6. Inv. 2. D. 59.

NA RB. F. 6. Inv. 2. D. 60.

NA RB. F. 6. Inv. 2. D. 61.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete set of laws of the Russian Empire]. Sobranie II. Vol. 12. Part 1. St. Petersburg: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1838. 822 p.

Russian State Historical Archives (RGIA). F. 1281. Inv. 2. D. 173.

RGIA. F. 1281. Inv. 4. D. 135.

Semenova N.L. Pravovye osnovy dejatel'nosti, sostav, funkcii kanceljarii orenburgskogo grazhdanskogo gubernatora v konce XVIII–pervoj polovine XIX v. [Legal basis of activity, composition, functions of the office of the Orenburg civil governor at the end of the 18th–first half of the 19th century] in *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2020. No 2(34). Pp. 165–179 (in Russian).

Ulashik N.N. Otchety gubernatorov Litvy i Zapadnoj Belorussii kak istoricheskij istochnik (1804–1861 gg.) [Reports of the governors of Lithuania and Western Belarus as a historical source (1804–1861)], in *Problemy istochnikovedenija* [Problems of source studies]. Vol. 9. Moscow: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1961. Pp. 15–55 (in Russian).

ГОДОВЫЕ ОТЧЕТЫ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ И ГУБЕРНАТОРОВ КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX в.: ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОЧНИКА

В.В. Гермизеева

Аннотация. В статье анализируется информационная значимость и достоверность сведений, представленных в отчетах генерал-губернаторов и губернаторов конца XIX–начала XX в. на примере Степного края, Томской и Тобольской губерний. Методологической основой исследования стали принцип системности и проблемно-хронологический метод, позволяющие с критических позиций рассматривать анализируемые источники как логический результат функционирования региональных органов власти в конкретный период. В статье рассмотрены особенности форм отчета 1870 г. и 1897 г., предопределявшие разнообразие собираемого статистического материала. Обращено внимание на отличия содержательной части отчетов и приложений к ним, представленных в разные годы, что напрямую было связано с действующими программами для их составления. Автор отмечает, что вопрос о достоверности отчетов неоднократно поднимался представителями центральной власти, но, не смотря на многочисленные циркуляры губернаторам, проблема так и не была решена.

Ключевые слова: источниковедение, исторический источник, генерал-губернаторы, губернаторы, отчеты губернаторов, Западная Сибирь, Степной край.

ANNUAL REPORTS OF GOVERNORS-GENERAL AND GOVERNORS OF THE LATE XIX–EARLY XX CENTURIES: ONCE AGAIN TO THE QUESTION ABOUT RELIABILITY OF THE SOURCE

V.V. Germizeeva

Abstract. The article analyzes the informational significance and reliability of the information presented in the reports of the governors-General and governors of the late XIX–early XX centuries on the example of the Steppe Region, Tomsk and Tobolsk provinces. The methodological basis of the study is the principle of consistency and problem-chronological methods, which allow us to consider the analyzed sources from a critical point of view as a logical result of the functioning of regional authorities in a particular period. The article discusses the features of the report forms of 1870 and 1897, which determined the diversity of the collected statistical material. Attention is drawn to the differences in the content of the reports and their appendices submitted in different years, which was directly related to the current programs for their compilation. The author notes that representatives of the central government repeatedly raised the issue of the reliability of the reports, but despite numerous circulars to the governors, the problem was not solved.

Keywords: source studies, historical source, governors-general, governors, reports of governors, Western Siberia, Steppe region.

Ежегодные губернаторские и генерал-губернаторские отчеты представляют разностороннюю информацию о состоянии губерний и областей в административном, экономическом, образовательном и других отношениях, поэтому интерес исследователей к этим документам закономерен. Первоначально всеподданнейшие отчеты губернаторов рассматривались в качестве источника преимущественно для изучения социально-экономической истории. Н.П. Дятлова отмечала важность обращения к подобным документам при изучении вопросов социально-экономического развития отдельных регионов, придавая особую ценность статистическим приложениям [Дятлова, 1964]. Б.Г. Литвак показал важность взгляда на отчет как целостную систему, поставил вопросы о процедуре сбора и достоверности содержащейся информации, [Литвак, 1977]. В последние два десятилетия возрос интерес к информационному потенциалу данных документов, их используют для характеристики социально-экономического, административного, общественно-политического развития. Годовые отчеты рассматриваются как источник по истории отдельного региона [Пономарева, 2008], торговли [Минаков, 2009], органов самоуправления, состояния городского населения [Кискидосова, 2016]. В Российской империи второй половины XIX – начала XX в. губернаторский отчет, по мнению А.С. Минакова [Минаков, 2005], являлся одним из связующих звеньев, между провинциальной, центральной и верховной властями.

Приступая к обсуждению вопроса о достоверности отчетов, хотелось бы обратить внимание на особенности его структуры и процесс подготовки, так как это предопределяло содержательную часть документа.

Создание отчета регулировалось специальными программами и циркулярными распоряжениями МВД. В июне 1870 г. были опубликованы «Высочайше утвержденные формы или программы для составления губернаторских отчетов». Согласно формуляру документ состоял из 2-х частей, где первая часть содержала краткую информацию о состоянии податей и повинностей, общественном благоустройстве, о деятельности административных и судебных учреждений (всего 9 глав), а вторая – была представлена 6 отделами со справочными статистическими сведениями и данными, предназначенными для подтверждения выводов, содержащихся в отчете. В дальнейшем эти приложения (обзор губернии) стали печататься типографским способом и получили фактически самостоятельное значение [Минаков, 2009, с. 217].

В целом, содержание генерал-губернаторских и губернаторских отчетов соответствовало законодательно определенной структуре, но некая вариативность все же присутствовала. В частности, в инструкции для составления всеподданнейших отчетов было разъяснено, что в документе допустимо не затрагивать те предметы, по которым в отчетном году не произошло ничего замечательного, это касалось и содержания приложений. Со временем губернаторы более активно стали использовать эту возможность и отступать от формы, давая живую картину действительного положения губерний, либо представляя

общие мысли по разным вопросам местной жизни. Если сравнить первую часть отчетов губернаторов Тобольской, Томской губерний и Акмолинской области за 1873 г., то мы увидим отличия, как в названиях представленных разделов, так и в объеме самого текста документа [Гермизеева, 2019, с. 89]. В последующие годы эта тенденция тоже прослеживается. В частности, при сохранении всех основных разделов первой части отчета (урожай хлебов, недоимки, эпидемии и эпизоотии, народное просвещение и т.п.) отчеты за 1878 г. томского губернатора А.П. Супруненко и тобольского губернатора В.А. Лысогорского по объему текста больше, чем у акмолинского губернатора В.С. Цытовича [ИАОО, ф. 3, оп. 10, д. 15967, л. 10–212]. Кроме того, в отчете последнего отсутствовало традиционное заключение, в котором начальники губерний обращали внимание верховной власти на насущные проблемы местной жизни. В отчете В.А. Лысогорского, напротив, этот раздел был представлен довольно широко, возможно, в связи с тем, что он находился на посту губернатора с июня 1878 г., т.е. чуть больше полугода, и считал необходимым выразить свой взгляд на перспективы развития и нужды Тобольской губернии. Данный раздел присутствовал и у А.П. Супруненко, достаточно продолжительное время стоявшего во главе края (с ноября 1871 г.), обращая внимание на нужды Томской губернии, он перечислял те же проблемы, что и в отчетах за предыдущие годы. Данное обстоятельство может свидетельствовать, с одной стороны, о том, что многие актуальные вопросы не решались на протяжении многих лет, с другой – указывает на наличие шаблонов при подготовке текста отчета и формальности заключительной его части. В целом, в пункте, который был связан с общими выводами и предположениями, губернаторам законодательно была представлена полная свобода.

В декабре 1895 г. в Комитете министров рассматривался вопрос о недостатках изданной в 1870 г. формы составления всеподданнейших отчетов. В частности, было отмечено, что губернаторы, придерживающиеся данной программы, представляли материалы, где «сведения нередко повторяются из года в год почти в одних и тех же выражениях, а цифры проставляются без ближайшего объяснения внутреннего их содержания». В отношении статистических обзоров и ведомостей указывалось, что они основаны в главном образом на данных, «собранных спешно и по различным программам, а потому недостаточно достоверных и мало сравнимых между собою» [РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 182, л. 142об.]. Эти обстоятельства затрудняли знакомство с отчетами и искажали представление о состоянии губерний и областей. В ходе дальнейшего обсуждения вопроса проблема достоверности представленных сведений поднималась неоднократно. В частности отмечалось, что начальники губерний не имеют возможности принимать активное участие и контролировать сбор информации, а средства и силы губернских статистических комитетов недостаточны, чтобы в короткий срок выполнить все требования программы, в то же время увеличивать крайние даты представления отчетов было неприемлемо. Единственным средством, способным повысить их достоверность и сделать действительно непосредственным донесением императору о местном благосостоянии и нуждах, представлялся пересмотр

программы составления отчетов с изъятием из него статистических сведений, не служащих подтверждением делаемых начальниками губерний выводов [РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 182, л. 145].

В результате, в апреле 1897 г. императором была утверждена новая «Программа для составления губернаторских отчетов», в которой указывалось, что при подготовке документа важно отразить в кратком и связном очерке какие изменения произошли в губернии или области, следовало указать «важнейшие за отчетный год явления местной жизни», выдающиеся факты, нужды и потребности населения, а также органов управления. В приложении теперь должны были быть представлены только те статистические данные, которые были необходимы для подтверждения изложенных в отчете выводов и предположений губернаторов [ПСЗ, 1900, с. 170–171]. Основным отличием от формы 1870 г. было то, что новая программа, не изменяя в целом структуру, содержала указания только на общие требования, предъявляемые к отчету, так как, по мнению центральной власти, наличие жестких правил оформления ограничивало содержание и не отражало особенности развития каждой губернии или области.

Таким образом, во всеподданнейших отчетах после 1897 г. информация о состоянии отдельных сфер могла отсутствовать в связи с тем, что ничего нового и знаменательного (как положительного, так и отрицательного характера) за отчетный год там не произошло. Но имели место и другие причины. Например, если губернатор занимал пост в течение нескольких месяцев, то часто ограничивался основными сведениями, давая более обширную характеристику на следующий год. Также начальники губерний могли представить отчет сразу за несколько лет, в таком случае собрать актуальную информацию в течении непродолжительного времени не всегда представлялось возможным, что в свою очередь приводило к использованию расплывчатых формулировок и недостоверности ряда статистических данных. Степной генерал-губернатор И.П. Надаров представил свой отчет за весь период пребывания на данном посту с 1906 г. по 1908 г. Не удивительно, что данный документ отражал лишь общие тенденции в развитии края — представлены материалы, связанные с переселенческим движением, с организацией медицинской, ветеринарной и продовольственной помощи населению, обращено внимание на отсутствие удобных путей сообщения между населенными пунктами. [ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 487. л. 2–28.]. Несомненно, эти данные отражали особенности ситуации в крае, но ряд сведений уже утратили свою актуальность. В начале XX в. подобная тенденция была нередкой, поэтому мы не можем говорить о том, что отчет полностью выполнял свою главную функцию — оперативно информировать центральную власть и императора о развитии губернии.

Изучение отчетов генерал-губернатора Степного края Е.О. Шмита за 1909–1913 гг. приводит к выводу, что отдельные направления развития региона в разные годы освещались неравномерно. Например, в 1909 г. более широко были представлены сведения, связанные с политикой переселения, в 1910 г. — об управлении и

социально-экономическом развитии, в 1912 г. много места уделено ликвидации последствий неурожая 1911 г. и состоянию сельского хозяйства в целом [Гермизеева, 2020]. Все это не позволяет проследить в полной мере динамику развития края в административной, экономической и культурной сферах.

В качестве приложения к отчетам шли обзоры губерний или областей за отчетный год. Их структура в анализируемых документах до 1897 г. представлена более четко, а затем зависела от вопросов, рассмотренных в документе. Но, осуществляя сопоставление показателей за разные периоды, нужно принять во внимание возможную недостоверность представленных в них статистических данных. Причины этого кроются в неточности сведений, представляемых с мест, в ошибках при оформлении окончательной редакции приложений и т.п.

В ходе изучения отчетов генерал-губернаторов Степного края, губернаторов Тобольской, Томской губерний, Акмолинской области и сопутствующих им материалов, обнаружены указания, что при сборе сведений имели место серьезные проблемы. Они были связаны как с недостоверностью передаваемых сведений, так и с намеренным искажением информации, направленным на характеристику ситуации в определенном контексте. В качестве примера можно привести циркуляр акмолинского губернатора А.Н. Неверова от 24 января 1912 г., в котором он обращал внимание на наличие серьезных недостатков в предоставляемых с мест статистических данных [ИАОО, ф. 20, оп. 1, д. 109, л. 16]. А ведь эти материалы отправлялись в МВД в случае наличия соответствующего запроса. Вряд ли можно было доверять данным о численности населения по той или иной волости, если они не менялись в течении нескольких лет. Показательно, что подобные циркуляры были регулярны. В июле 1913 г. А.Н. Неверов вновь акцентировал внимание на противоречия в статистических данных: «сведения о размере посевной площади, количестве как посеянного, так и собранного хлеба, скотоводстве, заводской и фабричной промышленности, а также торговле далеки от истины» [ИАОО, ф. 20, оп. 1, д. 129, л. 1].

Кроме характеристики ситуации со стороны губернской администрации, связанной со сбором статистической информации для отчетов, мы встречаем негативную реакцию и от центральной власти. В циркулярах МВД губернаторам присутствуют указания, что, несмотря на разнообразие представленных сведений, документы не дают полного представления о состоянии дел на местах, так как содержат формальные высказывания и шаблоны. Так, в начале XX в. особое внимание Министерства внутренних дел обращалось на политические обзоры губерний и областей, данные для которых собирались жандармскими управлениями. Нередко они носили общий характер, в качестве примера можно привести следующий отрывок: «Общее политическое настроение населения Томской губернии в отчетном 1912 г. должно быть признано совершенно спокойным и не дававшим решительно никаких поводов к ... предположениям тревожного характера» [ГАТО, ф. 3, оп. 77, д. 402, л. 216]. В то же время в циркулярах МВД губернаторам указывалось, предоставляемые сведения должны быть конкретными и содержать

сравнительные показатели, на основе которых можно проследить те или иные изменения. Несмотря на то, что данные рекомендации выходили с 1907 г., в отчетах мы по-прежнему встречаем ситуацию, когда большинство губернаторов характеризовали настроение населения, как «спокойное» или «неизменившееся», что не позволяло центральной власти сделать адекватный вывод о положении в конкретной губернии.

В материалах МВД отмечалось, что основная задача отчетов заключалась «в непосредственном ознакомлении государя императора с состоянием в отчетном году губернии» и «теми благоприятными или неблагоприятными изменениями, которые замечаются в ходе развития духовной и материальной жизни местного населения». Особо указывалось, что представляемые сведения должны быть краткими и точными, «во всех частях согласными с истиною» [РГИА, ф. 1276, оп. 8, д. 19, л. 21–23]. Но на практике это реализовать было непросто. Свою роль играл здесь и личностный фактор. В подготовке всеподданнейших отчетов принимали участие представители областной или губернской администрации, материалы собирались на разных уровнях управления. После обработки всех данных составлялся текст, который перед отправкой неоднократно перечитывался и исправлялся. Такого рода пометки также представляют интерес. Видно как подбирались слова и выражения, способные подчеркнуть важность проблемы или, напротив, снизить ее остроту.

В Комитете министров при разработке новой формы отчета в 1869 г. отмечалось, что губернская статистика является не исключительной и далеко не всегда достоверной [РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 182, л. 137]. Кроме того, при анализе документов создается впечатление, что некоторые всеподданнейшие отчеты составлялись механически, без продуманной оценки состояния и нужд края, а также значения приводимых фактов. Председатель Совета министров В.Н. Кокцов в письме министру внутренних дел А.А. Макарову в феврале 1912 г. указывал, что отдельные отчеты содержат в себе лишь общие мысли по вопросам управления, без их разработки и часто в «отсутствии непосредственной связи с нуждами конкретной губернии». Для решения проблемы предлагалось «преподать начальникам губерний надлежащие по указанному поводу разъяснения» [РГИА, ф. 1276, оп. 8, д. 19, л. 3–4об.]. В ответе А.А. Макаров, не отрицая наличия несоответствий в ряде отчетов, отмечал, что причину этого явления видит в личных качествах и условиях служебной деятельности начальников губерний. Особо он обращал внимание на то, что успешное выполнение губернаторами поставленной задачи требует соответствующего опыта, умения излагать свои мысли и свободного времени для обсуждения материала. В связи с этим, А.А. Макаров считал, что циркулярные разъяснения в этом случае не принесут результата.

Таким образом, изменения, внесенные в программу составления всеподданнейших отчетов 1897 г., последующие распоряжения и дополнения, направленные на оптимизацию их содержания и повышение информационной значимости, не привели к улучшению качества представляемых сведений. Как мы видим, к

1912 г. проблемы оставались все те же. Несмотря на обширность представляемой в отчетах генерал-губернаторов Степного края, губернаторов Тобольской, Томской губерний и Акмолинской области информации, не все сведения в них были достоверны. В процессе подготовки в документы вносились исправления, направленные на то, чтобы представить ситуацию в более благоприятном свете, либо усилить эффект от прочтения текста. Это обстоятельство можно считать общероссийской тенденцией, оно не было связано с удаленностью от центра западносибирских губерний и областей Степного края. Так, А.С. Минаков на примере Орловской губернии отмечал, что при сопоставлении оригинала текста отчета и его чернового варианта становятся очевидны факты утаивания или смягчения информации [Минаков, 2005, с. 173–174].

Несмотря на наличие определенных недостатков, в том числе погрешностей в статистических сведениях, всеподданнейшие отчеты оставались важным каналом коммуникации между органами местного и центрального управления. Начальники губерний могли представить в них свой взгляд на ситуацию и предложить пути решения локальных проблем. Например, томский губернатор Г.А. Тобизен в ходе подготовки губернской реформы 1895 г. в Сибири, в одном из отчетов указывал на своевременность изменений в сфере управления, не соответствовавшей условиям жизни населения [ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 746. л. 8об.]. И подобных примеров можно привести довольно много.

В целом, в конце XIX–начале XX в. отчет становится более вариативным. Это было связано с изменениями в программе документа, а также обуславливалось личностными характеристиками губернаторов и квалификацией государственных служащих, принимавших участие в его подготовке. Сопоставляя материалы по разным губерниям можно выявить общие тенденции социально-экономического, общественно-политического и культурного развития. Безусловно, отчеты генерал-губернаторов и губернаторов являются интересными и востребованными историческими источниками. На мой взгляд, они могут служить отправной точкой для исследования той или иной темы, которая затем получит более глубокое изучение с привлечением других источников, прежде всего делопроизводственных документов органов исполнительной власти и материалов периодической печати.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Гермизеева В.В. Отчет военного губернатора В.С. Цытовича о состоянии Акмолинской области за 1873 г. // *Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность.* 2019. Т. 4. № 3. С. 88–92.

Гермизеева В.В., Глазунова Т.В. Основные направления развития Степного края в отчетах генерал-губернатора Е.О. Шмита // *Гуманитарные науки и образование.* 2020. Т. 11. № 2(42). С. 121–125.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 492.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 746.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 77. Д. 402.

Дятлова Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник // *Проблемы архивоведения и источниковедения*. Л.: Наука, 1964. С. 227–246.

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 10. Д. 15967.

ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 109.

ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 129.

Кискидосова Т.А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 412. С. 50–53.

Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // *Источниковедение отечественной истории: сб. ст.* М.: Наука, 1977. С. 125–144.

Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX–начала XX веков // *Отечественная история*. 2005. № 3. С. 170–175.

Минаков А.С. Годовые отчеты губернаторов как источник по торгово-экономической истории России XIX–начала XX вв. // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Материалы II Международной научной конференции*. Курск, 14–16 октября 2009 г. Курск: Б.и., 2009. С. 215–220.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание III. Т. 17. Часть 1. СПб.: Тип. II Отделения С.Е.И.В. канцелярии, 1900. 730 с.

Пономарева Е.Л. Всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов как источник по истории Восточной Сибири (50–80-е гг. XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4–1. С. 112–115.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 182.
РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 19.

REFERENCES

Germizeeva V.V. Otchet voennogo gubernatora V.S. Tsytovicha o sostoyanii Akmolinskoi oblasti za 1873 g. [Report of the military governor V.S. Tsytovich on the state of the Akmola region for 1873], in *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 2019. Vol. 4. No 3. Pp. 88–92 (in Russian).

Germizeeva V.V., Glazunova T.V. Osnovnye napravleniya razvitiya Stepnogo kraya v otchetakh general-gubernatora E.O. Shmita [The main directions of development of the Steppe Region in the reports of the Governor-General E.O. Schmit], in *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye*. 2020. Vol. 11. No 2 (42). Pp. 121–125 (in Russian).

Dyatlova N.P. Otchety gubernatorov kak istoricheskii istochnik [Governors reports as a historical source], in *Problemy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya* [Problems of archival science and source studies]. Leningrad: Nauka Publ., 1964. Pp. 227–246 (in Russian).

State archive of the Russian Federation (GARF). F. 543. Inv. 1. D. 492.

GARF. F. 543. Inv. 1. D. 746.

State Archive of the Tomsk Region (GATO). F. 3. Inv. 77. D. 402.

Historical Archive of the Omsk region (IAOO). F. 3. Inv. 10. D. 15967.

IAOO. F. 20. Inv. 1. D. 109.

IAOO. F. 20. Inv. 1. D. 129.

Kiskidosova T.A. Gubernatorskiye godovyye otchety kak istochnik po izucheniyu gorodskogo naseleniya Vostochnoy Sibiri v 1850–1880-e gg. [Gubernatorial annual reports as a source for the study of the urban population of Eastern Siberia in the 1850–1880], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. No 412. Pp. 50–53 (in Russian).

Litvak B.G. O dostovernosti svedenii gubernatorskikh otchetov XIX v. [On the reliability of the information of the Governors reports of the XIX], in *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii: sb. st.* [Source studies of Russian history]. Moscow: Nauka Publ., 1977. Pp. 125–144 (in Russian).

Minakov A.S. Vseподданейshie otchety gubernatorov kak istochnik po izucheniyu vzaimootnoshenii tsentral'noi i mestnoi vlasti v Rossii vtoroi poloviny XIX–nachala XX vekov [The Most recent Reports of Governors as a source for studying the Relationship between Central and Local Authorities in Russia in the second half of the XIX–early XX centuries], in *Otechestvennaya istoriya*. 2005. No 3. Pp. 170–175 (in Russian).

Minakov A.S. Godovye otchety gubernatorov kak istochnik po torгово-ekonomicheskoi istorii Rossii XIX–nachala XX vv [Annual reports of governors as a source for the trade and economic history of Russia in the XIX–early XX centuries], in *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kursk, 14–16 oktyabrya 2009 g.* [Trade, merchants and customs in Russia in the XVI–XIX centuries. Materials of the II International Scientific Conference. Kursk, 14–16 October, 2009]. Kursk: S.n., 2009. Pp. 215–220 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete set of laws of the Russian Empire]. Sobranie III. Vol. 17. Part 1. St. Petersburg: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1900. 730 p. (in Russian).

Ponomareva E.L. Vseподданнейshiyе otchety general-gubernatorov kak istochnik po istorii Vostochnoy Sibiri (50–80-e gg. XIX v.) [The most generic reports of the governor-generals as a source on the history of Eastern Siberia (50–80s XIX century)], in *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. No 4–1. Pp. 112–115 (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1276. Inv. 1. D. 182.

RGIA. F. 1276. Inv. 8. D. 19.

ГУБЕРНАТОРСКИЕ ОТЧЕТЫ: РАПОРТ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ ИЛИ ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ КРАЯ?¹

Крот М.Н.

Аннотация. Статья посвящена вопросу о научной значимости и перспективных направлениях изучения отчетов российских губернаторов и генерал-губернаторов имперского периода как исторических источников. Автором указывается, что в условиях слабого развития институционализированных каналов коммуникации между верховной властью и обществом практика регулярных губернских отчетов, идущих снизу вверх, отчасти выполняла данную функцию, поскольку право озвучивать общественные интересы было закреплено за главой региона. В статье рассматриваются различные информационные пласты, содержащиеся в губернаторских отчетах, указываются субъективные компоненты данного вида источников. В качестве примера рассматривается отчет Виленского генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского за 1902–1903 гг., представлявший собой программу широких преобразований управления Северо-Западным краем, многие положения которого выходили за региональные рамки, приобретая общегосударственный характер. На его примере рассматривается порядок принятия управленческих решений, влияния на них губернаторских инициатив, роль императора, выражаемая в его резолюциях. Автором подчеркивается, что сравнительный анализ содержания и формы данного и ему подобных документов дают возможность понять механизм коммуникации между разными уровнями российской бюрократии, а также составить представление об общих тенденциях и практиках управления имперскими окраинами.

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Западный край, П.Д. Святополк-Мирский, Николай II, губернаторские отчеты, латино-литовский шрифт, генерал-губернаторская власть, бюрократия.

Крот Максим Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Южный научный центр Российской академии наук, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; доцент, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, mnkrot@sfnu.ru.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

GOVERNOR'S REPORTS: PROGRESS REPORT OR REGIONAL DEVELOPMENT PROGRAM?

Krot M.N.

Abstract. The article is devoted to the issue of the scientific significance and promising directions of studying the reports of Russian governors and governors-general of the imperial period as historical sources. The author points out that in the context of the weak development of institutionalized channels of communication between the supreme power and society, the practice of regular provincial reports coming from the bottom up partially fulfilled this function, although the right to voice public interests was assigned to the head of the region. The article discusses various information layers contained in the governor's reports and indicates the subjective components of this type of sources. As an example, the report of the Vilna Governor-General P.D. Svyatopolk-Mirsky for 1902–1903 represented a program of broad transformations in the management of the Northwestern Territory, many of the provisions of which went beyond the regional framework, acquiring a national character. Using his example, the author examines the procedure for making managerial decisions, the influence of governor's initiatives on them, the role of the emperor, expressed in his resolutions. The author emphasizes that a comparative analysis of the content and form of this and similar documents makes it possible to understand the mechanism of communication between different levels of the Russian bureaucracy, as well as to get an idea of the general trends and practices of governing imperial outskirts.

Keywords: Russian Empire, Northwest Territory, P.D. Svyatopolk-Mirsky, Nicholas II, governor reports, latin-lithuanian font, governor-general power, bureaucracy.

Неотъемлемой частью работы любого высокопоставленного государственного служащего во все эпохи является составление отчетов, в которых отражается деятельность учреждения, ведомства или региона, находящегося в его ведении. Однако для историка чиновничий отчет – это не только неотъемлемый и достаточно рутинный элемент бюрократического делопроизводства, обреченный пылиться на полках ведомственных архивов, но и важнейший источник, комплексное изучение которого является необходимой задачей исследователя, занимающегося рассмотрением самых разнообразных вопросов, связанных с функционированием различных звеньев государственного аппарата. Данные документы являются частичками своеобразной «мозаики» государственного управления, получить целостное представление о которой можно только путем их детального анализа и сопоставления.

Значительный интерес для исследователей представляют отчеты региональных чиновников – губернаторов и генерал-губернаторов, в которых отражается не только социально-экономическое состояние подконтрольной им административной единицы, но и особенности функционирования местных органов управления, а также характер коммуникации между имперским центром и периферией. По насыщенности фактографическим и аналитическим материалом, дающим представление об экономическом и внутривластном состоянии различных регионов Российской империи, данные источники не имеют себе равных. Информация, содержащаяся в них, дает представление о том, как осуществлялось «региональное преломление» различных направлений общеимперской внутренней политики, как инициативы имперского центра встречались местными сообществами и реализовывались на практике региональными органами власти.

В этом отношении особое значение для исследователей приобретает изучение отчетов глав окраинных губерний и областей, которые позволяют получить представление о практической реализации правительственной политики в отношении имперских окраин. Всеподданейшие отчеты, составляемые преимущественно генерал-губернаторами, формировались на основе статистических, экономических и полицейских обзоров обширных областей и представляли собой фактически единственный регулярный источник информации о состоянии национальных окраин, имевшийся в распоряжении верховной власти. Их сравнительный анализ может помочь выявить общие тенденции в окраинной политике имперских властей, определить ее ближайшие и стратегические цели, составить представление о совокупности управленческих практик, используемых имперской администрацией окраин.

В условиях отсутствия институционализированных каналов коммуникации между региональной общественностью и верховной властью отчеты губернаторов и генерал-губернаторов выполняли функцию доведения до последней сведений об устроении, пожеланиях и недовольствах населения подконтрольных

им губерний и областей, которые представлялись вышестоящим инстанциям и самому императору опосредованно, в своеобразном бюрократическом переложении. И, тем не менее, данный информационный канал имел большое значение для получения представления об общественных настроениях в регионах. Уже в дореволюционный период исследователи указывали на то, что губернаторские отчеты являются не только источником информации, но и значимым средством взаимодействия периферии и центральной власти, которая прислушивалась к мнению региональных чиновников, используя их как важные аргументы при принятии тех или иных управленческих решений [Блинов, 1905, с. 341–342]. В настоящее время губернаторские и генерал-губернаторские отчеты являются одним из наиболее значимых и востребованных исследователями источников, как по социально-экономической, так и по общественно-политической проблематике. Существует достаточно обширная историография, посвященная изучению особенностей данных источников, методике и принципам их использования для исследования самых разнообразных аспектов управления Российской империи, ее социального и внутривластного развития [Бражникова, 2013; Минаков, 2016].

Большое значение для изучения процесса функционирования российского государственного аппарата и механизма реализации внутривластного курса самодержавия имеют маргиналии и резолюции императоров, оставляемые на полях губернаторских и генерал-губернаторских отчетов. Данные записи хорошо отражают отношение главы государства к тем или иным сторонам действительности, являясь фактическим руководством к действию для центрального и регионального управленческого аппарата. Отчеты региональных управленцев, содержавшие предложения по совершенствованию тех или иных аспектов жизни вверенного ему региона, снабженные соответствующей пометкой императора, становились предметом рассмотрения Комитета министров либо иных центральных органов власти. В этом отношении изучение и сопоставление рассматриваемых документов позволяет понять процесс «рождения» управленческих решений, которые могли инициироваться и «продавливаться» «снизу» путем регулярно поступающих из нескольких источников предложений и рекомендаций, которые в определенный момент времени могли стать исходным пунктом правительственных преобразований.

В качестве наглядного примера подобного механизма можно указать на историю отмены запрета на использование латино-литовского шрифта при издании книг на литовском языке в 1904 г. С инициативой снятия данного ограничения, давно утратившего свой смысл и являвшегося причиной недовольства литовского населения Северо-Западного края России, в своем Всеподданнейшем отчете выступил Виленский генерал-губернатор князь П.Д. Святополк-Мирский. Данное предложение было выдвинуто на

основании детального изучения причин брожения местного населения и неоднократных предложений, высказываемых как анонимными лицами, так и губернаторами северо-западных губерний [ГАРФ, ф. 1729, оп. 1, д. 241]. Резолюция Николая II, заставившая поставить этот вопрос на повестку дня, привела к его серьезному обсуждению чиновниками министерства внутренних дел, народного просвещения, а также Комитетом министров. Министр внутренних дел В.К. Плеве, сопоставивший все аргументы сторонников сохранения запрета латиницы (в первую очередь, предыдущего Виленского генерал-губернатора В.Н. Троцкого) с доводами, приводимыми П.Д. Святополк-Мирским, пришел к выводу о необходимости и желательности отмены «всех ограничений на употребление латинского и иного шрифта в произведениях литовской и жмудской письменности» [РГИА, ф. 1284, оп. 190, д. 83в, л. 305]. 13 апреля 1904 г. на заседании Комитета министров было принято положительное решение об отмене всех запретов на использование латиницы для литовской печати, а 24 апреля данное решение было утверждено Николаем II [РГИА, ф. 1284, оп. 190, д. 83г, л. 356–360, 338]. Таким образом, данное решение, ставшее важной вехой в изменении правительственного курса в отношении литовского населения Северо-Западного края, было фактически инициировано «снизу», благодаря усилиям Виленского генерал-губернатора, аргументированного изложившего свое предложение в своем Всеподданнейшем отчете и актуализировано императорской резолюцией.

Губернаторские и генерал-губернаторские отчеты содержат в себе несколько информационных пластов. Первый из них включает в себя собственно фактографические данные о подконтрольной им губернии или области: информацию о населении, его основных занятиях, национальном и конфессиональном составе региона, землевладении, промышленности и сельском хозяйстве и т.п. Несмотря на неточность, усредненность, а порой и противоречивость приводимых в отчетах данных, на которую указывали многие ученые, следует согласиться с советским белорусским исследователем Н.Н. Улащиком, в полном смысле слова «реабилитировавшим» данный источник после его многолетней критики, утверждая, что отчеты содержат ценную информацию, наглядно демонстрирующую общие тенденции хозяйственного и социального развития того или иного региона, без которых исследователи данных вопросов не могут обойтись [Улащик, 1961, с. 55].

Другим информационным пластом, содержащимся в отчетах региональных управленцев, является информация о политической обстановке в регионе, умонастроениях местного населения, имевших место социальных противоречиях, волнениях или протестных мероприятиях и их причинах. Данные разделы отчетов обычно формировались на основании регулярных политических обзоров, составлявшихся губернскими полицейскими органами, и включали в себя ряд обязательных стандартизированных элементов, таких

как настроения различных слоев населения, воинских частей, учащихся, национальных или конфессиональных групп, реакцию их на проводимые правительственными органами мероприятия, сведения об известных полиции нелегальных организациях и т.д. Данный элемент губернаторских отчетов позволяет составить представление о социально-политической обстановки на национальных окраинах империи, выявить общие тенденции региональных национальных движений, формы реакции инородческого населения на политику русификации, причины межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Ну и, наконец, любой отчет предполагал не только констатацию фактов и проблем, но и предложения, направленные на их решение и общее совершенствование управления краем. Данная информация представляет большой интерес не только в содержательном смысле, но и для изучения самого аппарата управления регионами, исходящих от него инициатив, используемых им управленческих практик и механизмов взаимодействия с вышестоящими органами. Рассмотрение губернаторских отчетов в данной плоскости позволяет получить представление об «анатомии» управления Российской империей, характере взаимодействия региональной и центральной бюрократий, формах и особенностях коммуникации между ними.

Несмотря на научную значимость, обусловленную высокой степенью информативности отчетов губернаторов и генерал-губернаторов, при работе с ними, как и с другими историческими источниками, в которых присутствует субъективный компонент, необходимо учитывать его весьма специфический характер, требующего серьезного критического анализа и сопоставления с другими источниками. Оснований для скептического отношения к достоверности данных документов существует множество. В первую очередь, и дореволюционные, и советские исследователи указывали на шаблонность губернаторских отчетов, которые, следуя установленному бюрократическому порядку, в значительной степени сужали и выхолащивали реальную картину жизни региона, отсекая все то, что не вписывалось в строгие формулярные требования [Янсон, 1880, с. 64–65; Литвак, 1979, с. 67]. Составитель стремился «подогнать» реальность под заданную схему отчета, в значительной степени упрощая ее, что в значительной степени искажало реальную картину жизни, которая в еще большей степени усложнялась на окраинах империи.

Во-вторых, по свидетельству многочисленных хорошо информированных современников, губернаторы и генерал-губернаторы были чрезвычайно загружены многочисленными рутинными обязанностями и объемной ведомственной перепиской, что не давало им возможности проверять информацию, поступавшую к ним снизу от чиновников более низкого ранга, которая попадала в итоговые отчеты. О загруженности множеством малозначимых формальных обязанностей и необходимости вести трудоемкую запутанную служебную переписку, как основной причине отсутствия у

губернаторов или генерал-губернаторов точных сведений о состоянии реального положения дел на подконтрольной территории писал в своей обстоятельной записке на имя министра внутренних дел В.К. Плеве крупный помещик, почетный мировой судья, имевший богатый опыт взаимодействия с региональной имперской администрацией, А.А. Плансон. Он отмечал, что «губернатор не деятель, а только председатель многих присутствий, то есть бюрократических автоматов, которые видят только бумагу, но не жизнь народную», в силу чего он, а, следовательно, и верховная власть зачастую не имеет никакого понятия о «жизнь-бытьё» жителей губернии, «их невзгодах и обидах» [ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 316, л. 4об.].

Ну и, наконец, нельзя забывать о характерном для многих чиновников стремлении «приукрасить» действительность в угоду вышестоящим инстанциям, затушевав или полностью скрыв негативные явления и изобразив состояние подконтрольного региона в радужных тонах. Данное стремление в системе бюрократических отношений, господствовавших в Российской империи, является вполне естественным, поскольку весь показанный в отчете негатив мог быть расценен как следствие нераспорядительности или некомпетентности управленца и негативно сказаться на его дальнейшей карьере. В силу данного обстоятельства, для получения более достоверной информации исследователю следует «углубляться» в работу губернского аппарата управления, сопоставляя данные итоговых отчетов с документами низовых губернских инстанций и многочисленными материалами и письмами, поступавшими к главе региона.

Генерал-губернаторские отчеты были менее формализованными и детализированными, нежели губернаторские, представляя собой аналитический обзор развития обширного региона за определенный отрезок времени и характеристику мер по его совершенствованию, принятых его главой. Зачастую эти отчеты могли включать в себя аналитические записки, содержавшие проекты преобразований, проведение которых зависело от воли верховной власти, имевших как региональный, так и межрегиональный характер.

Ярким примером генерал-губернаторского отчета, в котором формальная, строго «отчетная» часть, содержащая фактографические данные, плавно переходила в «программную» плоскость, содержавшую предложения по развитию управляемого региона, является уже упоминавшийся Всеподданейший отчет Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора князя П.Д. Святополк-Мирского за 1902–1903 гг.

Петр Дмитриевич Святополк-Мирский, происходивший из древнего польско-западнорусского княжеского рода, многие представители которого занимали видные государственные посты в Российской империи [Думин, Гребельский, 1995, с. 214–216], имел репутацию «либерального бюрократа» и «кристально чистого, безукоризненно честного человека» [Витте, 1922, с. 288]. Виленское,

Ковенское и Гродненское генерал-губернаторство, на пост главы которого он был назначен 15 сентября 1902 г., было возрождено после более чем годового отсутствия вследствие напряженной социально-политической ситуации в Северо-Западном крае, сложившейся в 1901–1902 гг. В этот период в регионе происходило стремительное нарастание протестного движения, обусловленного как ситуативными обстоятельствами, такими как экономический спад начала столетия, так и долгосрочными факторами, связанными с неравноправием различных групп местного населения, бесправием и тяжелым экономическим положением рабочего класса, политикой русификации, проводимой имперскими властями. Новому генерал-губернатору предстояло выяснить причины данной ситуации и выработать программу обеспечения общественного порядка в крае. Следует заметить, что Святополк-Мирский сумел за достаточно короткий срок разобраться в довольно запутанной социально-политической и этноконфессиональной обстановке северо-западной окраины и изложить свои выводы и предложения во Всеподданнейшем отчете о полугодовой деятельности на своем посту.

На то, что отчет Виленского губернатора представляет собой «целую программу правительственной политики», нуждающуюся в скорейшем рассмотрении Комитета Министров, указал в своей резолюции сам император Николай II, детально ознакомившийся с ним [РГИА, ф. 560, оп. 26, д. 352, л. 1]. Автор отчета сосредоточил свое внимание на ключевых, наиболее проблемных точках подконтрольного ему региона, порождавших имевшие в нем место противоречия и конфликты, что нашло отражение в структуре его текста. Отчет состоит из восьми разделов, каждый из которых посвящен определенной сфере жизни населения Северо-Западного края, связанным с ними мерам, предпринятым местными органами власти, и сопровождается предложениями и рекомендациями по их совершенствованию: «Землевладение», «Вероисповедание», «Учебно-воспитательное дело», «Польский элемент», «Труды культурного свойства», «Литовская народность», «Еврейское население», «Генерал-губернаторская власть» [РГИА, ф. 560, оп. 26, д. 352, л. 4].

Анализ содержательной части отчета Святополк-Мирского является темой отдельного исследования. В рамках данной статьи следует отметить лишь то, что данный документ представлял собой комплексную, хорошо продуманную программу преобразований, затрагивавших как Северо-Западный край, так и некоторые аспекты общегосударственной внутренней политики. К наиболее важным инициативам, изложенным Виленским генерал-губернатором, можно отнести предложение об отмене ограничительных «майских правил» 1883 г. в отношении евреев, значительно ущемлявших их права, и являвшихся, по мнению автора отчета, главной причиной распространения в их среде антиправительственных настроений [РГИА, ф. 560, оп. 26, д. 352, л. 42об.–43]; проект расширения властных полномочий генерал-губернаторов посредством предоставления им права самостоятельно разрешать ряд вопросов, не имевших

общегосударственного значения и издавать обязательные постановления, относящиеся к предупреждению нарушения порядка, устанавливая за их нарушения особые взыскания [РГИА, ф. 560, оп. 26, д. 352, л. 48–49]; а также уже упоминавшееся предложение о снятии запрета на издания литовских книг, отпечатанных латино-литовским шрифтом, которое было оформлено в виде самостоятельной записки и включено в отчет [подробнее о записке см.: Крот, 2020].

Многочисленные предложения, содержащиеся в генерал-губернаторском отчете, стали предметом обсуждения на высшем государственном уровне и основой для принятия целого ряда постановлений, хотя следует отметить, что далеко не все из них были одобрены и реализованы.

Данный единичный пример убедительно доказывает значимость губернаторских и генерал-губернаторских отчетов и сопровождавших их ведомственных документов для понимания механизмов взаимодействия центральной и региональной бюрократий и принятия управленческих решений, иницируемых «снизу», со стороны провинциальной администрации, руководители которой доводили свои предложения до верховной власти.

На наш взгляд, на сегодняшний день основным и наиболее актуальным направлением исследований губернаторских и генерал-губернаторских отчетов является именно изучение особенностей коммуникации между бюрократиями различных уровней, характер которой определялся сложным комплексом объективных и субъективных факторов и обстоятельств, отражавшихся в данных документах. Их изучение позволяет составить более целостное представление о позднеимперской региональной бюрократии, чьи предложения и инициативы были обусловлены анализом реального состояния регионов и окраин империи, общественными настроениями, имевшимися проблемами и противоречиями, отраженных на страницах регулярных отчетов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб.: Типо-Литография К.Л. Пентковского, 1905. 366 с.

Бражникова А.С. Губернаторский отчет: изучение источника в отечественной историографии // *Вестник Челябинского государственного университета. История.* 2013. № 12(303). Вып. 55. С. 83–89.

Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. Берлин: Слово, 1922. 571 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 316.
ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 241.

- Думин С.В., Гребельский П.Х. Князья Святополк-Мирские и дворяне Мирские // *Дворянские роды Российской империи*. Т. 2. М.: Ликоинвест, 1995. 264 с.
- Крот М.Н. «Поставить литовскую народность на правильный путь развития...»: записка князя П.Д. Святополк-Мирского по вопросу о литино-литовском шрифте // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 1. С. 205–221.
- Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX–начала XX в. М.: Наука, 1979. 294 с.
- Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2016. № 2(38). С. 5–24.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 26. Д. 352.
- РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83в.
- РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83г.
- Улащик Н.Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804–1861 гг.) // *Проблемы источниковедения*. Т. 9. М.: Издательство академии наук СССР, 1961. С. 15–55.
- Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России и западно-европейских государств. Т. II. Промышленность и торговля. Отд. 1. Статистика сельского хозяйства. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. 663 с.

REFERENCES

- Blinov I.A. *Gubernatory: istoriko-yuridicheskiy ocherk* [Governors: historical and legal sketch]. St. Petersburg: K.L. Pentkovsky Publ., 1905. 366 p. (in Russian).
- Brazhnikova A.S. Gubernatorskiy otchet: izucheniye istochnika v otechestvennoy istoriografii [Governor's Report: Study of the Source in Russian Historiography], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2013. No 12(303). Is. 55. Pp. 83–89 (in Russian).
- Vitte S.Y. *Vospominaniya. Tsarstvovaniye Nikolaya II* [Memories. The reign of Nicholas II]. Vol. 1. Berlin: Slovo Publ., 1922. 571 p. (in Russian).
- State Archives of the Russian Federation (GARF). F. 586. Inv. 1. D. 316.
- GARF. F. 1729. Inv. 1. D. 241.
- Dumin S.V., Grebelsky P.K. *Knyaz'ya Svyatopolk-Mirskiye i dvoryane Mirskiye* [Princes of Svyatopolk-Mirsky and noblemen of Mirsky], in *Dvoryanskiye rody Rossiyskoy imperii* [Noble families of the Russian Empire]. Vol. 2. Moscow: Likoinvest Publ., 1995. 264 p. (in Russian).
- Krot M.N. "Postavit' litovskuyu narodnost' na pravil'nyy put' razvitiya...": zapiska knyazya P.D. Svyatopolk-Mirskogo po voprosu o latino-litovskom shrift ["To put the Lithuanian

nation on the right path of development...”: a note by Prince P.D. Svyatopolk-Mirsky on the latin-lithuanian font], in *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. No 1. Pp. 205–221 (in Russian).

Litvak B.G. *Ocherki istochnikovedeniya massovoy dokumentatsii XIX–nachala XX v.* [Essays on the source study of mass documentation of the XIX–early XX centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 294 p. (in Russian).

Minakov A.S. Vsepoddanneyshiye otchety gubernatorov Rossiyskoy imperii: sovremennyye problemy istoriografii [All-subject reports of the governors of the Russian Empire: modern problems of historiography], in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki*. 2016. No 2(38). Pp. 5–24 (in Russian).

Russian State Historical Archives (RGIA). F. 560. Inv. 26. D. 352.

RGIA. F. 1284. Inv. 190. D. 83v.

RGIA. F. 1284. Inv. 190. D. 83g.

Ulashhik N.N. Otchety gubernatorov Litvy i Zapadnoj Belorussii kak istoricheskij istochnik (1804–1861 gg.) [Reports of the governors of Lithuania and Western Belarus as a historical source (1804–1861)], in *Problemy istochnikovedeniya* [Problems of source studies]. Vol. 9. Moscow: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1961. Pp. 15–55 (in Russian).

Yanson Y.E. *Sravnitel'naya statistika Rossii i zapadno-yevropeyskikh gosudarstv/ T. II. Promyshlennost' i trgovlya. Statistika sel'skogo khozyaystva*. [Comparative statistics of Russia and Western European states. Industry and trade. Vol. 1. Agricultural statistics]. St. Petersburg: M. Stasyulevich Publ., 1880. 663 p. (in Russian).